

КРОКОДИЛ

№ 5 • февраль • 1982

ISSN 0130-2671

— Страсть люблю разных критиков, я их даже коллекционирую!

Рисунок А. КРЫЛОВА.

ВНИМАНИЕ!

После некоторых размышлений Крокодил учреждает

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЗАЖИМЩИКОВ КРИТИКИ

Почётным членом Общества считается должностное лицо, ответившее на справедливую критику не исправлением недостатков, а гонением критикующего в материальном, моральном и административном плане. Полупочётным членом Общества считается лицо, нейтрализующее действие критики путем замалчивания либо явных отписок.

Сведения о кандидатах в члены ДОЗК принимаются Крокодилом в неограниченном количестве ежедневно, кроме субботы и воскресенья. Протоколы о принятии в члены ДОЗК будут систематически публиковаться на страницах журнала.

Крокодил.

См. стр. 6—7.

ХОЖДЕНИЕ ПО ТУКАМ

Крокодил решил провести небольшое социологическое исследование. Различным лицам был задан один и тот же вопрос:

— Что есть туки?

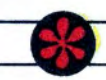
— Туки? — усмехнулся в усы колхозник из вологодского колхоза «Родина». — Вы видите в моей квартире цветной телевизор? То-то и оно.

«Гм...» — подумал Крокодил. — Этот товарищ считает, что туки — это телевизор».

Агроном В. Михеев из Рязанской области ответил:

— Это новый поселок на центральной усадьбе нашего совхоза. И Дом культуры. И Дом быта. И столовая.

«Еще более странно, — сказал себе Крокодил, — выходит, и агроном не знает. А еще культурный человек».

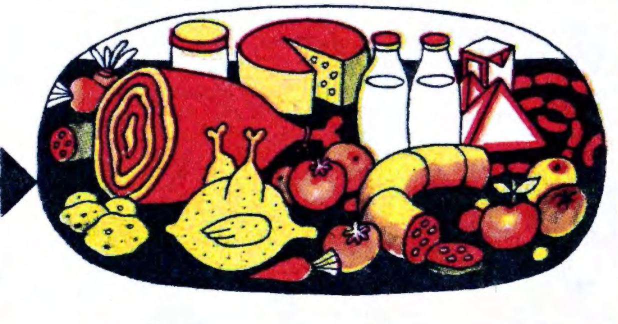

У жителя города Оренбурга кандидата наук А. Семенова было другое мнение:

— Туки — это дополнительное мясо, молоко, картошка, хлеб, а также хлопок, лен и многое, многое другое.

Все эти мнения Крокодил выложил заместителю председателя всесоюзного объединения «Союзсельхозхимия» А. Артюшину. Аркадий Михайлович улыбнулся и сказал:

— А вы знаете, все они правы. Туки, иначе говоря, минеральные удобрения, в полтора раза увеличивают урожай всех сельскохозяйственных культур. А хлеба и того больше. К примеру, тонна туков, внесенных в землю в необходимой пропорции и в нужное время, дает дополнительно четыре с половиной тонны хлеба. Ну, а отсюда и телевизоры, дома для колхозников, мясо, хлеб и молоко для горожан и так далее и тому подобное.

— Значит, главное — это чтобы было побольше этих самых туков? — подхватил Крокодил.

— Да, надо, чтобы было побольше, — согласился собеседник. — И это первая задача.

— А вторая?

— А вторая — чтобы то, что уже произведено, не пропадало. А третья — чтобы удобрения правильно вносились в землю. Ведь для чего нужны удобрения? Чтобы земля стала **доброй**. Вот когда она станет доброй, тогда она и отдаст нам все свои богатства.

— Но что же этому мешает? — удивился Крокодил.

— Не что, а скорее кто, — уточнил собеседник. — Но мне кажется, это уже по вашей части.

Проникшись важностью темы, Крокодил отправил своих корреспондентов в разные регионы страны и предложил им провести

ХОЖДЕНИЕ ПО ТУКАМ.

Тайна зелёного креста

В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент Крокодила

История началась с освоения Нечерноземья. А надо заметить, что земли в этой зоне бедные и очень нуждаются в подкормке. Вот тут и встал вопрос об увеличении производства минеральных удобрений. Слово было за химиками.

— Самая полезная из всех смесей — нитроаммофоска! — со знанием дела сказали они. — По питательности ее можно сравнить с хорошим комплексным обедом!

И тут, как на счастье, химикам приглянулось прекрасное заграничное оборудование, способное давать в год полмиллиона тонн этого ценнейшего удобрения. Купили химики это оборудование. Привезли в Дорогобуж, сложили на поле у забора завода азотных удобрений. Год лежат уникальные теплообменники, испарители и сушильные барабаны, второй, третий... Четвертый год лежит оборудование...

Но, может быть, химики полагали, что, разбросав на поле вместо туков оборудование для выработки нитроаммофоски, они тем самым повысят плодородие земли?

Для выяснения этого вопроса я заглянул в Министерство по производству минеральных удобрений СССР. Там меня любезно принял заместитель начальника Управления планирования и капитального строительства. Узнав, что я из «Крокодила», С. С. Середнев сразу же настроился на шутливую волну.

— Мы очень любим юмор, — с улыбкой сообщил он. — Да и наше управление в сокращенном виде звучит весьма забавно: УПИКС...

— Простите, у меня вопрос серьезный, — извиняющимся тоном начал я. — Почему в Дорогобуже импортное оборудование валяется без дела?

— Мы купили пять установок нитроаммофоски, — разочарованный тем, что я не намерен шутить, уточнил Станислав Серафимович. — И ни одна из них пока что не работает. Та, что сгружена в Новгороде, должна была быть пущена в конце восемьдесят первого года. Но строители подвели...

Итак, в Новгороде уже намечалось свершение волнующего обряда с перерезанием алой ленточки у входа в цех нитроаммофоски. Но когда долгожданный час пробил, оказалось, что торжественное событие переносится на неопределенный срок.

— А как насчет гарантий? — Я никак не мог понять подход УПИКСа к планированию. — Срок гарантии истекает в восемьдесят втором году, а пуск цеха в Дорогобуже намечен на восемьдесят третий? Да и то, если строители не подведут...

— Да, по нашей вине двести двадцать пять миллионов капиталовложений не дают отдачи, — согласился заместитель начальника УПИКСа. — Но купленное оборудование позволило нашему министерству взять на себя смелость запланировать в одиннадцатой пятилетке на семь миллионов тонн туков больше, чем в десятой.

Я слушал ответственного работника министерства и удивлялся той легкости, с какой он распоряжался государственными миллионами. Наверняка, если бы речь шла не о дорогостоящем оборудовании, а о купленном им на свои кровные мебельном гарнитуре, ему было бы не до шуток! Ну, а что касается фанфарных обязательств, то и на прошлую пятилетку тоже намечались высокие рубежи, что между тем не помешало недодать сельскому хозяйству сорок миллионов тонн минеральных удобрений!

И все же наш разговор С. С. Середнев закончил бодрой ноткой:

— Недавно у нас состоялась расширенная коллегия, на которой мы призвали Минстрой завершить дорогобужский цех хотя бы на квартал раньше. Теперь дело за строителями.

И я, не мешкая, отправился на Дорогобужский завод азотных удобрений.

...На поляне за заводским забором я обнаружил заваленное снегом оборудование с нарисованными зелеными и черными крестиками. О значении этих загадочных крестиков мне рассказал начальник базы оборудования В. Е. Яншин.

— Цвет означает, в каких условиях должно храниться оборудование. Помеченное зеленым крестом должно находиться под навесом, а черным — на открытом воздухе...

— Однако под открытым небом лежат ящики и с зелеными крестами, — заметил я.

— Это точно, — подтвердил В. Е. Яншин. — Складских помещений не хватает. Но строители все равно не спешат.

Доказательством слов начальника базы оборудования служила картинка, увиденная мною на самой монтажной площадке: могучий двадцатипятитонный подъемный кран бездействовал, а монтажники во главе с бригадиром Леонидом Власенко смолили «Беломор».

— Хотели мы работать без перекуров, — пустив голубое колечко, сказал мне бригадир, — заключили со строительным управлением № 4 договор о бригадном подряде. Мы обязались сдать свой объект еще в августе восемьдесят первого года, но из-за отсутствия железобетона сорвали намеченный срок.

Не добившись помощи от треста «Дорогобужхимстрой», бригадир написал письмо начальнику Смоленского территориального управления строительства А. А. Бочкову.

«Сборный железобетон направлен на строительство пусковых объектов, — сообщил А. А. Бочков бригаде. — Строящийся комплекс нитроаммофоски подлежит вводу в 1984 году...»

«Как же так? — изумился я. — В министерстве, говоря о сроке пуска, назвали 1983 год, а начальник Смоленского теруправления передвинул знаменательную дату...» И для того, чтобы рассеять этот туман, встретился с тов. Бочковым.

— Сам цех мы намерены пустить в восемьдесят третьем, — объяснил мне А. А. Бочков. — Ну, а те объекты, которые не будут сдерживать производство нитроаммофоски, можно, думается мне, завершить позже... Так что оснований для беспокойства я не вижу...

Любопытно, что думала по этому поводу, как говорится, заинтересованная сторона? И я отправился к директору Дорогобужского завода азотных удобрений В. К. Литвишко.

— Знаете ли, строители уже и сейчас выбились из графика, — сообщил Владимир Кузьмич. — За три года работы они освоили около четырех миллионов рублей. А сметная стоимость цеха нитроаммофоски составляет тридцать пять миллионов! Вот и сосчитайте — за сколько лет строители освоят эту стоимость...

И я с ужасом подумал, что, если к четырем годам, в течение которых теплообменники и сушильные барабаны валяются у заводского забора, прибавить нужные при таких темпах строительства еще четверть века, то на оборудовании можно будет наверняка поставить крест!..

Смоленская область.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ИЗО ЗАЛП

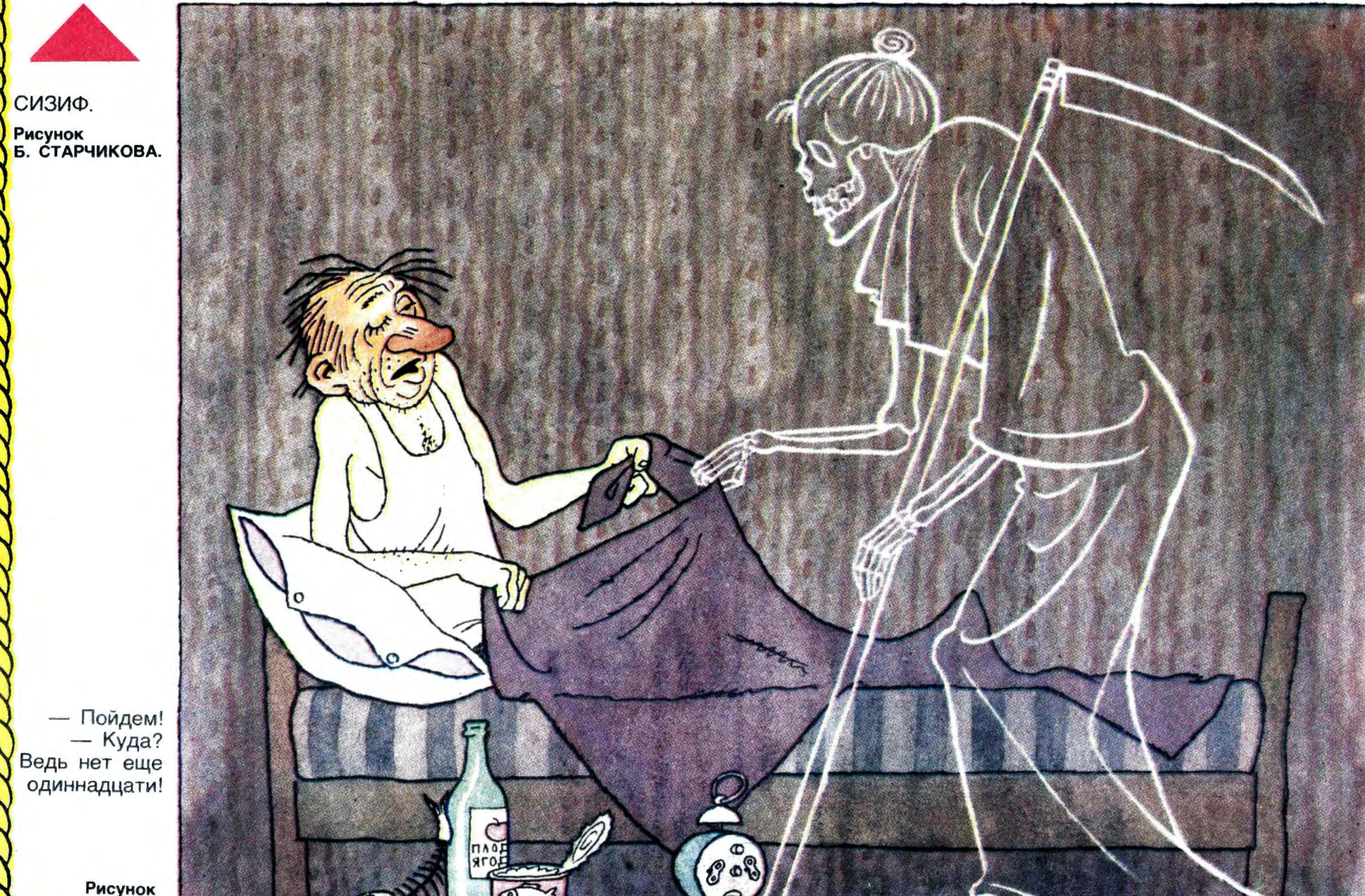
СИЗИФ.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА.

— Все, я был последним.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

— Пойдем!
— Куда? Ведь нет еще одиннадцати!

Рисунок Е. ГУРОВА.

ДОРОГАЯ ДОЛЖНОСТЬ

— Тысяча рублей — раз! Тысяча рублей — два! Палатка продана!

Рисунок Г. ИОРША.

— Ура! Попал к шапочному разбору!

Рисунок С. СЕРГЕЕВА.

Рисунок В. МОХОВА.

ЛЮБЫМ ПОПЫТКАМ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА КРИТИКУ НЕОБХОДИМО ДАВАТЬ САМЫЙ РЕШИТЕЛЬНЫЙ ОТПОР. ИЗ МАТЕРИАЛОВ XXVI СЪЕЗДА КПСС.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ?

Андрей КОНСТАНТИНОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Вызрел конфликт.

Началось все с пустяковины — несерьезного эстетского спора по поводу одного стихотворения, собственно, одной даже строки из стихотворного призыва.

«Хлеба, товарищ, в меру бери!»

Павел Сергеевич Константинов *), скромный кочегар из поселка Островское Костромской области, ветеран Великой Отечественной войны, участник обороны Москвы и Ленинграда, понимал эту строку грубо и в лоб, как уместное предобеденное напоминание. Среди работников Островского хлебокомбината, однако, нашлись иные толкователи, выражение «в меру» понимавшие кто во что горазд. Ибо не под кепкой, не в основании специально построенных шаровар и даже не симулируя беременность выносили с комбината хлебопродукты. Выносили, не стесняясь.

Как-то, наткнувшись у калитки комбината на случайного милиционера, тяжелым аллюром дали тягу Т. Белякова, Л. Малодушная, А. Петрякова. Буханки мешали развитию скорости, и, отягощенный только кирзовыми сапогами, сержант в момент отловил грешниц.

Еще был случай, когда милиция задержала всю смену пекаря В. Каткиной с поличным. Только у Каткиной было изъято четыре буханки, пять кило сахару, дрожжи, булочки.

Понятие «мера» варьировалось от авоськи до мешка, и это фиксировалось при неоднократных милицейских проверках по сигналу Константинова. А недавно со склада испарилась ровно тонна муки первого сорта.

*) Во избежание кривотолков автор фельетона спешит сообщить, что с П. С. Константиновым в родстве не состоит. Только однофамилец.

— Я, конечно, кочегар и в высшую математику управления производства вторгаться не смею,— сказал П. С. Константинов заведующей производством Островского хлебокомбината Т. Н. Смирновой,— но вот же элементарная арифметика: по моим наблюдениям, только ржаного хлеба у нас растаскивается, ну, никак не меньше десяти тонн в год. И есть тенденция к росту...

Тамара Николаевна посоветовала:

— Вы закройте поддувало и не суйтесь с вашей арифметикой, а, согласно должностной инструкции, ступайте-ка выковыривать дрова из-под снега...

И все сходило. Лишь горелой коркой в горле застревали выступления кочегара, проглатывать которые становилось все труднее. И забродило, а позже взошло опарой очень простое решение.

— Уволить очернителя! — распорядилась директор комбината А. П. Хватова.

— Ох, хорошо бы,— согласилась зав. производством Т. Н. Смирнова.

— Да, но под каким предлогом? — закручинилась председатель месткома Т. Н. Смирнова.

— Поищите, — посоветовала Хватова.

...— Стой! Что несешь? — остановили Константинова после ночной смены.— А ну, распаковывай газету! Вынай, аферист, наворованное!

Но вышел промах: были в свертке два томика Жака Дюкло, которые читал кочегар в перерывах между метанием дров.

Пришлось применить шаблонный прием — уволили Константинова «за систематическое нарушение трудовой дисциплины».

— Стыд и срам, из-за одного пасквилянта нам приходится бить ноги, таскаясь в магазин самообслуживания за хлебом, когда самообслуживание у нас и без магазина нормальное! — одобрил местком приказ об увольнении.

Но суд восстановил кочегара на работе, признав решение администрации не чем иным, как преследованием за критику.

«Ну, чего ему неймется?» — тосковали Хватова со Смирновой.

Этот наболевший вопрос поддержала газета «Советская торговля». Статья так и называлась: «Чего ему неймется?» Жирными мазками была нарисована картина бесхозяйственности и хищений на комбинате. Снисходительность к жуликам и нарушителям труддисциплины, наплевательство на технику безопасности, элементарный обход законодательства — все эти штрихи вкупе составляли мрачный фон полотна.

— Вот почему неймется ветерану,— делала вывод газета.

Никуда не денешься: газета выступила, надо рапортовать о принятых мерах. Родился протокол заседания правления райпо:

«1. За допущенные недостатки, указанные в статье, директору хлебокомбината Хватовой А. П. объявить замечание.

2. Зав. производством комбината Т. Н. Смирновой объявить выговор.

3. За передачу недостоверных данных по выполнению плана товарооборота завторгу Лобановой Р. П. объявить выговор».

Кто же так безжалостно стеганул по бракоделам, очковтирателям, зажимщикам критики? Среди подписей под протоколом значатся знакомые фамилии: члены правления райпо А. П. Хватова, Р. П. Лобанова...

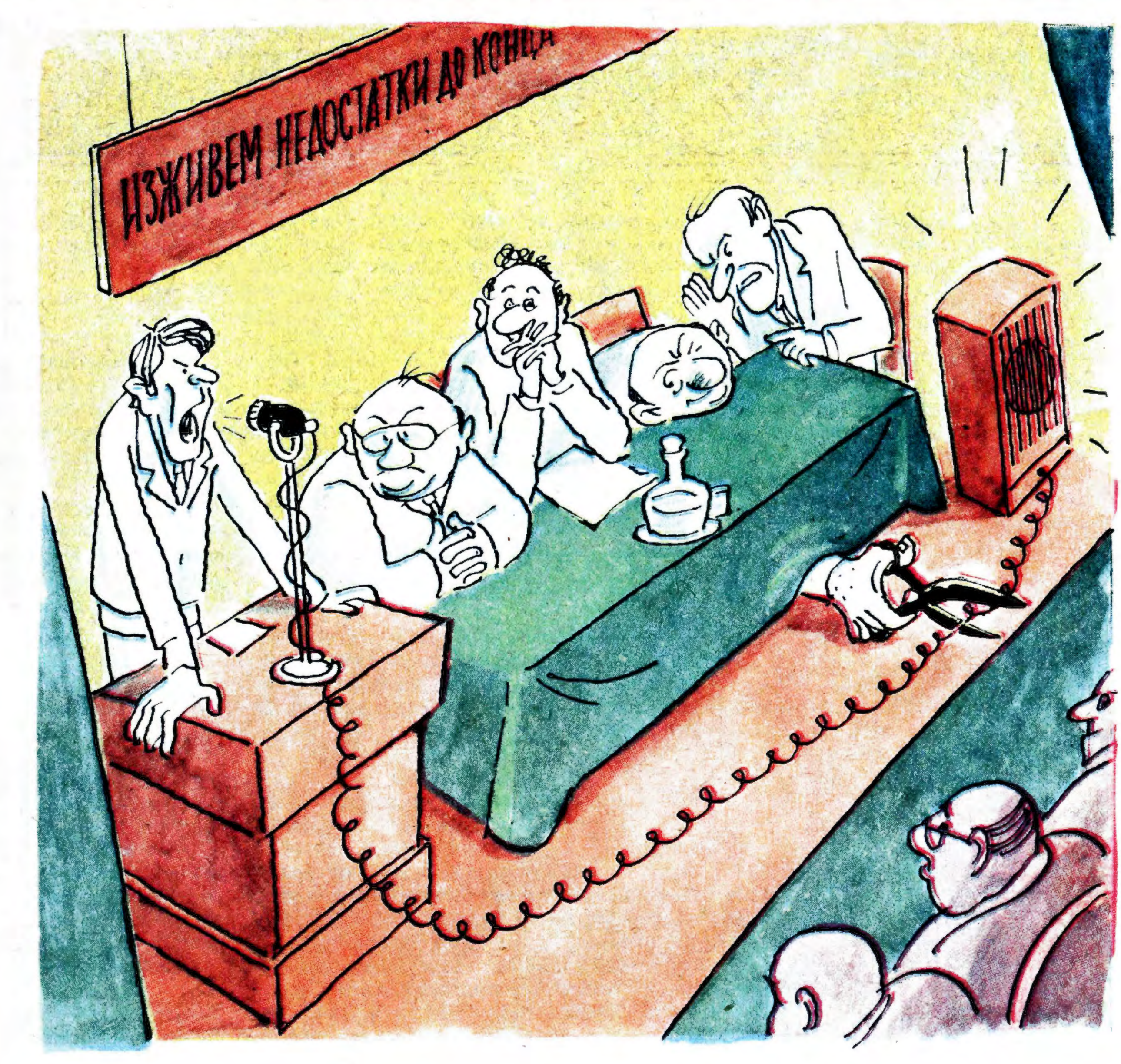
Так, не очень больно, сама себя высекла Августа Петровна Хватова. Та самая Хватова, которая в 1976 году руководила совхозом «Родина». О вопиющей бесхозяйственности в совхозе уже писал «Крокодил». В результате Хватова была строго наказана: назначена директором Островского хлебокомбината. От этого ее талант руководителя вырос как на дрожжах.

Кстати, о дрожжах. В момент посещения комбината вашим корреспондентом там в производство шли дрожжи, получившие такую нелестную характеристику в акте санэпидстанции: «Покрыты плесенью, запах неприятный, гнилостный. В пищу непригодны».

Ну, и прочие детали: холодильные камеры бездействуют, вода с осадком железа, в цехах грязь, тараканы. Нечистоты из выгребной ямы растекаются по территории до соседнего детского садика...

И обоих Константиновых, кочегара и фельетониста, занимает одна мысль: а ну, как и третьему корреспонденту Крокодила придется изучать дальнейшую деятельность Хватовой? Каким объектом она будет руководить к тому времени?

Костромская область.

— Как только начнет критиковать — сразу перерезай!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Виктор АЛДАНСКИЙ

ПОДВЕЛИ ЧЕРТУ

Начальство выступает часто,
И даже в прениях начальство
Всё держит речь,
все на посту.

Но очередь до подчиненных
Дошла — один из огорченных
Стал говорить начистоту.

Он говорил все то, что думал,
И допустил сатиру, юмор,
Имея истину в виду.

— Мой дорогой
руководитель,
У вас, хоть вы сейчас
в зените,
Я не пойду на поводу!

Протестовали подхалимы:
— Здесь критика
недопустима,
Нам от нее невмоготу!

И расторопный председатель
Сказал: — Товарищи,
давайте
На этом подведем черту!

Перевел с якутского
Николай ГЛАЗКОВ.

ДОБРОВОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО ЗАЖИМЩИКОВ КРИТИКИ

Андрей НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

АЛЕКСИНСКИЕ ТОПОЛЯ

Когда я сказал своему приятелю, что еду в Тульскую область писать фельетон о вырубленной тополиной аллее, он чуть не умер со смеху.

— Сколько,— спросил он,— в этой аллее было тополей?

Я располагал данными и ответил точно: 262 тополя.

— А знаешь ли ты,— сказал он, насмеявшись и вытирая слезы,— сколько деревьев у нас вообще вырубается без особой надобности? Жилищное строительство, расширение дорог, а то и просто волюнтаризм...

Все это было, конечно, известно, но здесь вырубка тополей была украшена некоторыми пикантными деталями. Начать с того, что в старинном приокском городе Алексине росла тополиная аллея. Никому не мешала, больше того — прелесть была аллея. Тополя — красавцы, и ходить по этой аллее жителям — одно удовольствие.

Но вот что пишет районная газета «Знамя Ильича»: «В один из последних дней октября (1980 г.) сюда прибыли люди и техника. Не прошло и нескольких часов, как все 262 дерева распластались на 8—10 метрах поперек асфальтированного полотна дороги. А 30 октября рабочие корчевали пни, вырывали с корнем и росшие уже кое-где молодые липы. Так закончила свое существование прекрасная тополиная аллея на Петровке, посаженная лет двадцать тому назад».

Однако на свете ничего не делается зря. Что же было после такой капитальной работы? О, как вскоре убедились местные жители, вырубка имела большой смысл. Вскоре на этом месте возникла аллея из плакучих берез. Правда, эти березы были всего лишь саженцами, грубо говоря, прутиками, которые, к несчастью, просуществовали несколько месяцев и зимой все погибли.

Хорошо. А что дальше? Естественно, общественность возмутилась действиями директора предприятия товарища Юдина, в чьем ведении и находилась вышеозначенная аллея, и кто, собственно, по своему персональному желанию произвел эти преобразования. Но общественность, как часто бывает, поторопилась. Потому что на другой год вместо тополей, а затем плакучих берез вдоль аллеи выстроились саженцы рябины. Они не отличались своими размерами от плакучих берез, но зато это были рябины из Павловского питомника.

К сожалению, все эти преобразования в алексинской природе делались вопреки плану общего благоустройства и озеленения города. За что товарищу Юдину горисполкомом было указано. Но это уже незначительные детали.

Более значительные детали развернулись впоследствии.

Бывшая учительница Матвеева, жительница этого самого микрорайона, написала жалобу на самоуправство директора и его безжалостную расправу с тополями.

И назвала его в своем письме самодуром. А что такое самодур? Если обратиться к Далю, то это значит упрямый, своевольный человек. Имея в виду все происшедшее, определение подходит довольно точно.

Так нет. Товарищ Юдин не то что обиделся, но просто оскорбился и ответил автору письма учительнице-пенсионерке Матвеевой так:

«Прилагая при этом копию Вашего письма в журнал «Крокодил», вынужден предупредить Вас, что, если Вы и впредь позволите себе подобные оскорбления, я вынужден буду обратиться в соответствующие органы, включая нарсуд, для привлечения Вас к ответственности за оскорбление личности. Так распоясываться Вам никто не позволил и не позволит».

Должен сказать, что после этого грозного письма пенсионерка-учительница очень перепугалась и успокоить ее было нелегко. Тем более, что я и сам не знал, что такое «соответствующие органы»? Возможно, такая неясная санкция могла быть применена и ко мне, и я прямо спросил: что это значит?

Однако Юдин сказал:

— Это я просто так — попугать.

г. Алексин.

ВЫПИСКА
ИЗ ПРОТОКОЛА № I
ДОБРОВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ЗАЖИМЩИКОВ КРИТИКИ

Принять в почетные члены Общества:

I) ХВАТОВУ А.П.(пос.Островское Костромской области).

2) СМИРНОВУ Т.Н. (оттуда же).

ОСНОВАНИЕ: фельетон А.КОНСТАНТИНОВА "ДС НОВОЙ ВСТРЕЧИ?"

3) ЮДИНА Д.И. (г.Алексин Тульской области).

ОСНОВАНИЕ: фельетон А.НИКОЛЬСКОГО "АЛЕКСИНСКИЕ ТОПОЛЯ".

Выписка верна

Крокодил

Гелли БУССЕ (ГДР)

ПОМОЩЬ ИЗ ЭФИРА

Худо мы осведомлены, граждане. Досадно мало знаем о чужих добрых делах. Например, о громадной моральной поддержке, оказываемой через эфир американскими доброхотами своим бедным отсталым братьям в Латинской Америке. А ведь это и есть прямое выражение любви к ближнему. И не думайте, что сотрясение неосязаемого эфира не влечет осязаемых затрат. Совсем наоборот. Влечет. Эфирные объяснения в любви к латиноамериканцам обходятся США ненамного дешевле, чем, скажем, высадка морского десанта с последующим установлением проамериканской диктатуры. Один лишь любвеобильный «Голос Америки» наговорил в прошлом году на 200 миллионов долларов — на 86 миллионов больше, чем в 1980-м. А эффект мизерный — эти латиноамериканцы не то тяжелодумы, не то тугоухи...

Несколько лет назад США вознамерились внести божественный свет в души латиноамериканских аборигенов самым простым и надежным способом — зачитывая перед микрофоном наиболее душещипательные местечки из Нового завета. С этой целью американская секта «Виклифовские переводчики библии» отправила в Перу своих наиболее сладкоголосых проповедников, а также еще кое-какой обслуживающий персонал. Издавна заинтересованные в популяризации Нового завета американские нефтяные корпорации «Тексако ТТТ» и «Вестерн Галф» снабдили переводчиков библии вертолетами, сборными домами и несколькими передатчиками. Вскоре из тропических лесов Амазонки зазвучал свободный голос «Радио Яринокоча».

Однако нет предела человеческой подозрительности и неблагодарности. Перуанским властям, видите ли, не понравилось, что во время трансляций Нового завета значительно чаще упоминался американский президент, чем бог. Кроме того, было замечено, что «переводчики библии» занимались не столько борением за души, сколько бурением чужой нефти. Короче говоря, перуанское правительство заставило навсегда замолчать этот голос «свободного мира», выдворив из страны радиобиблейскую гопкомпанию с нефтяным уклоном.

Говорят, гони природу в дверь, она влетит в окно. Это относится и к природе «Виклифовских переводчиков библии». Изгнанные из дверей Перу, они устремились в Латинскую Америку через панамское окно. Но и там были встречены с удручающим негостеприимством. За что, спрашивается? Разве радиопропагандисты-библеисты виноваты в том, что в библии при всем желании нельзя сыскать подтверждения принадлежности Панамского канала Панаме? А раз таких подтверждений ни в Новом, ни в Ветхом завете нет (это может проверить каждый), следовательно, остается предположить, что канал принадлежит Соединенным Штатам. Казалось бы, логичнее не рассудишь. Однако, поди ж ты, панамские власти не согласились с такой божественной системой аргументации и конфисковали 14 мощных иностранных передатчиков. Одним ударом прикрыли целую сводную радиокапеллу «свободного мира».

Ввиду такого прохладного отношения к их святым эфирным радиопорывам американская администрация в последнее время все прозрачнее намекает, что в Латинской Америке всем средствам коммуникации она все-таки предпочитает оружие. Не так важно, кто говорит, а кто первым стреляет,— эта истина из ковбойских фильмов весьма популярна нынче в Белом доме. Поэтому наряду с радиоголосами «свободного мира» в Латинской Америке все чаще говорят пушки.

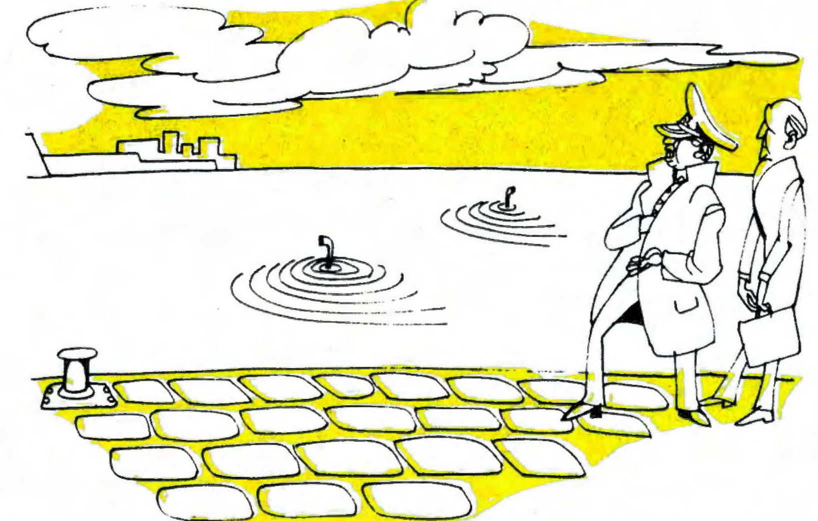
Но это уже не относится к нашей теме, так как происходит за пределами эфира.

Перевел А. ХАЗАНСКИЙ.

АМЕРИКАНСКАЯ ГОЛУБКА МИРА.
(«Богемия», Куба).

Правительство ФРГ решило поставить чилийским фашистам две современные подводные лодки.

— Вы же видите, сколь мала военная помощь из Бонна.

(«Ойленшпигель», ГДР).

Б. ШКРЕКО (ЧССР)

ОТЕЧЕСКИЕ ЗАБОТЫ ГЕНЕРАЛА ПИНОЧЕТА

Мировая печать сообщает о новой статье чилийского экспорта — поставке детей в США, Италию и Швецию. Можно без особого труда представить себе, как и почему дошел генерал до такой мысли.

— Мы придумали, господин генерал! — с этими словами в кабинет Пиночета ворвался радостный секретарь.— Мы нашли способ, как поступить с десятью тысячами заброшенных, осиротевших детей, чьи родители — враги родины,— увы, не пожелали пережить процесса перевоспитания.

— Только не предлагайте мне расточительные проекты детских приютов! Вы же прекрасно знаете, какие расходы нас ожидают в связи с планируемым перевооружением армии!

— Могу вас заверить, ваше превосходительство, что никаких дополнительных расходов не будет. Как раз наоборот, решение сиротского вопроса принесет нам существенную прибыль.

— О! — Генерал оживился, как гремучая змея в корзинке при звуке флейты заклинателя.— Продолжайте, продолжайте.

— Из Соединенных Штатов, а также из некоторых других стран мы получили интересные предложения. Бездетные семьи, оказывается, отваливают за красивого маленького чилийца от пяти до семнадцати тысяч долларов. А кого они там хотят воспитать — сына, слугу, телохранителя — это уж не наше дело.

— Так-так, понимаю,— прервал его генерал, в предвкушении потирая руки.— Позовите-ка ко мне министра внутренних дел. Надо этих... хм... дорогих крошек выловить до единого и рассортировать для торговли, пока берут...

— Уже! — подхватил ретиво секретарь.— Полиция уже приступила к операции по выявлению сирот. Все это подрывное отродье отлавливают по улицам Сантьяго и свозят на Старый рынок.

— Превосходно. Значит, нужно лишь сформулировать воззвание, разъясняющее народу гуманную подоплеку нашего мероприятия. Жаль, конечно, что их у нас всего десять тысяч...

— Пока десять тысяч, господин генерал,— уточнил секретарь.— Но это легко поправимо. В вашей власти осиротить любое количество живого товара. А воззвание предлагаю следующее: «Движимое благородным чувством сострадания к очаровательным малюткам и всячески желая расширить географические познания подрастающего поколения, правительство Чили решило...» и так далее.

Пиночет слушал и довольно кивал. «Десять тысяч детей помножить на десять тысяч долларов... или нет, лучше так: десять тысяч долларов помножить на десять тысяч детей...» — вертелось в генеральской голове. Склерозированный мозговой компьютер пробуксовывал на нулях, не срабатывал. Но и так ясно было, что получается много, очень много тугих долларовых пачек, похожих на зеленые кирпичики.

И впервые при мысли о детях-сиротах лицо диктатора тронула нежная, отеческая улыбка.

Перевел со словацкого Л. КУРИН.

ЖЕЛАННОЕ БЛЮДО ПЕКИНА.
(«Тоншуул», Монголия).

Арт БУХВАЛЬД (США)

САНТА-КЛАУС В БЕЛОМ ДОМЕ

К Санта-Клаусу подходит один из министров и забирается к нему на колени

— Выкладывай, чего ты хочешь, и пожалуйста, покороче! — говорит Санта-Клаус.

— Я министр жилищного строительства и городского развития и не прошу у вас ничего нового. Мне бы только одно: чтобы вы восстановили мои дотации беднякам на квартплату, а также дали мне немного долларов, чтобы обеспечить топливом стариков и бедняков в их хибарках, где дует изо всех щелей.

— Хе-хе-хе,— говорит Санта-Клаус.— Я вижу тебя насквозь. В этом году ты был очень непослушным мальчиком. Я велел тебе срезать по своему ведомству все излишества и вычеркнуть все ненужные статьи расходов. И что же, вся экономия по твоему министерству составила каких-то несколько миллиардов долларов! За это ты заслуживаешь, чтобы тебя отшлепали. Не возвращайся, пока не распродашь весь государственный жилой фонд, который тяжким грузом висит на федеральном правительстве. Кто следующий?

— Министр здравоохранения и социальных служб,— объявляет помощник Санта-Клауса.

— Не лезь ко мне на колени, паршивец! Что ты хочешь получить на рождество?

— Я многого не требую, Санта-Клаус. Но прошу вас, не отнимайте у меня фонды на научные исследования в области медицины.

— Ты что, считаешь, что Санта-Клаус чеканит деньги?

— Но ведь вы обещали, что для обездоленных, оказавшихся в критическом положении, будет предусмотрена «предохранительная сетка» в виде некоторых программ социального обеспечения.

— Ну и что же? Я часто даю обещания, которые не могу сдержать. Вот почему дети, вырастая, перестают верить в Санта-Клауса. А сейчас беги отсюда, пока я не начал срезать тебе пособия по программе социального обеспечения.

— Санта-Клаус, а это председатель крупнейшей металлургической компании в США!

— Давай, давай, забирайся ко мне на колени!

— Санта-Клаус, я был пай-мальчиком, и мне ничего от вас не надо.

— Но ведь должно же быть у тебя какое-то желание?

— Конечно, я был бы не прочь...

— Давай выкладывай!

— Мне хотелось бы получить еще одну налоговую лазейку, чтобы в нынешнем году вообще не платить налоги.

— Нахожу это желание вполне разумным. Поцелуй Санта-Клауса, и я позабочусь о тебе.

— Какой вы добрый, Санта-Клаус!

— Хотел бы я, чтобы все ребятишки были такими благовоспитанными, как этот,— говорит Санта-Клаус своему помощнику.— Кто там следующий?

— Санта-Клаус, я министр образования, и мне нужно...

— Можешь не утруждать себя. И слышать не хочу, что тебе нужно. А вот хорошенький мальчик! Как тебя зовут, мальчик?

— Каспар Уайнбергер. Я министр обороны.

— Какой же подарок ты хочешь получить на рождество?

— Я хочу получить самолеты, ракеты, подводные лодки, авианосцы, пушки и танки, ракетную систему «МХ», снаряды для бактериологической войны и еще триллион долларов.

— Хе-хе-хе! Сколько тебе нужно игрушек! Эдак ты опустошишь весь мой мешок!

— Я сейчас зареву и буду реветь не переставая, пока не получу, что мне хочется.

— Ну хорошо, Каспарчик. Не стану портить тебе рождество. Ты получишь свои игрушки. Перестань дергать меня за бороду. Я же тебе сказал, что ты все получишь!

Когда Каспар вприпрыжку убегает, помощник Санта-Клауса говорит: «Влез он вам в душу».

— Не переношу, когда плачут маленькие министры обороны.

Перевела Е. БУЧАЦКАЯ.

ДЯДЯ СЭМ СЕРДИТСЯ.

— Я тобой недоволен! Ты ешь без салфетки!

(«Стыршел», Болгария).

Дм. ИВАНОВ,
Вл. ТРИФОНОВ,
специальные корреспонденты Крокодила

Протокол одного затянувшегося заседания,

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН ОТВЕТСТВЕННЫЙ ТОВАРИЩ САМ НЕ РАБОТАЛ И ОТРЫВАЛ ОТ РАБОТЫ ДРУГИХ

Что иному на пользу, то другому во вред.

Один, попав в сатиру, в кратчайшие сроки так себя переломает и перекует, что родная мать его, как говорится, не узнает. И работа у него враз закипит, заспорится. И бутылку «Алабашлы», если ему подкинут, он в унитаз выльет. И какую-нибудь слепую старуху через дорогу переведет: мол, пожалте, бабуся, нам это ничего не стоит, а вам утешение на исходе жизни.

Другой же от сатиры только ощерится, пропьет канарейку, поколотит племянников Севу и Регину, наплюет на работу и почнет строчить жалобы: оболгали, мол, оклеветали, караул!

Ну, про канарейку, племянников и прочее — это так, для веселого зачина, поскольку дальше пойдут факты и только факты, которые ни к чему разжижать сарказмами, каламбурами и прочими юмористическими пассажами. Факты сами за себя скажут.

20 ЯНВАРЯ 1980 г.

В «Крокодиле» № 3 напечатан фельетон спецкоров Дм. ИВАНОВА и Вл. ТРИФОНОВА «Бесценные художества». Критике подвергнут директор Худфонда БССР ДОБРОДЕЕВ И. Е. за серьезные недостатки на своих подведомственных предприятиях: многочисленные нарушения финансовой дисциплины, фальсификация отчетных данных, незаконная выплата премий и т. д.

30 ЯНВАРЯ 1980 г.

Добродеев И. Е. пишет заявление директору Худфонда СССР, в котором, в частности, говорится: «...на комбинате много было безобразий, многие факты, упомянутые в «Крокодиле», имели место, а многое просто притянуто «за уши»...»

Заканчивается заявление так: «Оставляя за собой право обратиться в Московский городской суд по месту дислокации журнала «Крокодил» с заявлением о привлечении авторов публикации к уголовной ответственности за клевету и оскорбления личности при помощи печатного органа, прошу директора Худфонда СССР назначить компетентную комиссию и проверить изложенные в «Крокодиле» факты».

30 ЯНВАРЯ 1980 г.

Секретариат правления Союза художников СССР поручает Президиуму правления Худфонда СССР создать комиссию для проверки фактов, отмеченных в фельетоне.

7 ФЕВРАЛЯ 1980 г.

Президиум правления Худфонда СССР назначает комиссию в составе четырех человек под председательством зам. директора Худфонда СССР Зуева М. Е. Комиссия выезжает в Минск.

9 МАРТА 1980 г.

Добродеев И. Е. подает заявление в прокуратуру Свердловского района Москвы с требованием привлечь к уголовной ответственности за клевету в печати авторов фельетона.

Заявление подкрепляется справкой комиссии, уже закончившей работу. Прилагается также более сотни различных документов.

26 АПРЕЛЯ 1980 г.

Прокуратура Свердловского района Москвы требует от авторов фельетона письменного объяснения и документального подтверждения фактов.

22 МАЯ 1980 г.

Авторы представляют в прокуратуру свое объяснение на тридцати шести страницах с приложением более сорока документов.

30 МАЯ 1980 г.

Прокуратура выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против авторов фельетона «за отсутствием в их действиях состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 130 УК РСФСР».

Прокурор Свердловского района, старший советник юстиции тов. Аникин направляет заявителю ответ, в котором говорится: «...факты, изложенные в фельетоне «Бесценные художества», подтверждаются многочисленными документами, объяснениями, заявлениями и личными наблюдениями авторов...»

16 ИЮНЯ 1980 г.

Добродеев И. Е. обжалует постановление прокуратуры Свердловского района прокурору города Москвы. Вновь получает отказ.

21 АВГУСТА 1980 г.

Добродеев И. Е. подает заявление в народный суд Свердловского района г. Москвы, в котором требует: «...обязать редакцию опубликовать опровержение клеветнических измышлений и вынести определение, обязывающее прокуратуру привлечь авторов к уголовной ответственности...»

9 СЕНТЯБРЯ 1980 г.

Добродеев И. Е. посылает жалобу прокурору Московской области на постановление районной прокуратуры. Он пишет: «...авторы заранее поставили перед собой цель собрать необъективные данные, как можно больше собрать грязной лжи и высказать ее на страницах журнала. Иначе ведь не получилась бы «красивая» статья, а следовательно, не было бы и авторского гонорара, а возможно, и другого «вознаграждения».

18 СЕНТЯБРЯ 1980 г.

Народный суд Свердловского района обязал авторов фельетона представить письменное объяснение по иску Добродеева. Объяснение представляется.

21 СЕНТЯБРЯ 1980 г.

В нарсуде Свердловского района происходит слушание дела по иску Добродеева к спецкорам «Крокодила». В ходе судебного заседания установлено, что необходимо допросить ряд свидетелей, проживающих в Минске. Слушание дела откладывается, в городской суд Минска направляется соответствующее поручение.

26 ДЕКАБРЯ 1980 г.

Ответчики приезжают в Минск. В присутствии истца — Добродеева свидетели дают показания, подтверждающие позицию авторов фельетона. Истец выкрикивает: «Кончайте эту комедию!» — и порывается уйти, но остается до конца допросов.

14 ЯНВАРЯ 1981 г.

Добродеев И. Е. подает жалобу председателю народного суда Свердловского района Москвы, обвиняя в сговоре с авторами фельетона свидетелей, допрошенных в Минске, народного судью Ленинского района Минска и народного судью Свердловского района Москвы. Копию жалобы истец посылает в отдел юстиции Мосгорисполкома.

13 ФЕВРАЛЯ 1981 г.

В Свердловском районном суде происходит очередное слушание этого дела. Добродеев заявляет отвод составу суда, обвинив судью в необъективности. Отвод не принят народными заседателями. Истец демонстративно покидает зал, бросая: «Мне все равно! Делайте, что хотите!» Слушание откладывается.

3 МАРТА 1981 г.

Заседание суда не состоялось из-за неявки истца. Он болен, что подтверждается телеграммой, отправленной еще 21 февраля.

2 АПРЕЛЯ 1981 г.

Добродеев И. Е. присылает в суд письмо, где соглашается, чтобы его исковое заявление было рассмотрено в его отсутствие: он не может так часто ездить в Москву.

10 АПРЕЛЯ 1981 г.

Снова дело слушается в Свердловском райсуде. Суд постановляет: «В ИСКЕ ДОБРОДЕЕВА И. Е. К СПЕЦКОРАМ «КРОКОДИЛА» ДМ. ИВАНОВУ И ВЛ. ТРИФОНОВУ ОТКАЗАТЬ».

17 АПРЕЛЯ 1981 г.

Добродеев И. Е. посылает кассационную жалобу в судебную коллегию по гражданским делам Мосгорсуда.

30 АПРЕЛЯ 1981 г.

Добродеев И. Е. посылает в судебную коллегию дополнение к своей кассационной жалобе.

20 МАЯ 1981 г.

Заседание судебной коллегии Мосгорсуда для рассмотрения кассационной жалобы не состоялось из-за неявки Добродеева.

2 ИЮНЯ 1981 г.

В присутствии истца и ответчиков судебная коллегия Мосгорсуда определяет: «РЕШЕНИЕ НАРОДНОГО СУДА СВЕРДЛОВСКОГО РАЙОНА ОСТАВИТЬ БЕЗ ИЗМЕНЕНИЙ, А ЖАЛОБУ ДОБРОДЕЕВА И. Е. БЕЗ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ».

Вот, собственно, и все.

Немножко жаль только, что у бывшего истца, посвятившего себя двухлетней юридической тяжбе, не осталось ни сил, ни времени, чтобы заметно улучшить дела во вверенном ему Худфонде БССР, на предприятиях которого, кстати говоря, фельетон «Бесценные художества» так и не обсуждался открыто. Жаль!..

г. Москва — г. Минск.

КОМБИНАТ НЕ ВЫПОЛНИЛ ПЛАН...

— Это еще что? Почему не написали?
— Не на чем...

Рисунок Б. САВКОВА.

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

ЧТОБЫ РЕКА ТЕКЛА ПРЯМО

Разные принципы стимулируют наш труд и его оплату. Девиз «Бери больше, кидай дальше» — главный, например, в работе землекопов. Примерно такой же — «Бери больше, вези дальше» — он и у автотранспортников. Тонно-километры — то есть тонны груза, помноженные на километры расстояния,— основной показатель работы автопредприятий и оценки труда водителей.

Полвека назад, когда автомобиль был так же в диковинку, как в наше время лошадь, этот показатель был экономически выгоден, ибо стимулировал полную загрузку автотранспорта. Нынче же он часто стимулирует погоню за тонно-километрами, приписки, что само по себе неприглядно и уголовно наказуемо. Но, кроме того, приписки тянут за собой длинную цепочку других безобразий, и в первую очередь потерю горючего. Ведь бензин выдается из расчета пройденных километров, и если километры «липовые», то горючее становится как бы лишним.

Чтобы свести концы с концами, его сливали в овраг, им топили печи котельных Белгородской облсельхозтехники, в Курске его выдавали за «сэкономленный» и получали премии, его, наконец, продавали «налево». Об этом и шла речь в фельетоне С. Пестова «Река, текущая налево» (№ 6, 1981 г.). Этой же теме были посвящены и многочисленные публикации других газет и журналов.

Первым на крокодильский фельетон откликнулось Министерство сельского строительства РСФСР. В телеграмме, присланной из Алтайсельстроя, где ухитрились бензина списать на 250 тысяч литров больше, чем израсходовать, сообщалось: «...изложенные факты имели место... выявленные приписки с выполнения сняты, стоимость излишне списанного бензина взыскана с виновных. Руководители, допустившие приписки, оштрафованы на сумму от одного до двух месячных должностных окладов...»

О наведении порядка в экономии горюче-смазочных материалов написал в редакцию заместитель председателя Госкомсельхозтехники РСФСР тов. Е. В. Садовников.

Прислали свои заинтересованные мнения и предложения Министерство автотранспорта Казахской ССР, Госкомтруд и Минфин СССР. Но, справедливо отмечая, что более жесткий контроль и четко налаженная организация погрузочно-разгрузочных работ помогут борьбе с приписками и потерями горючего, они тем не менее не затрагивали основного «виновника» — тонно-километры.

И вот наконец начальник отдела транспорта Госплана СССР тов. Д. К. Зотов сообщил, что отделом подготовлены предложения, в которых ликвидируются тонно-километры как главный показатель для всех видов транспорта. Теперь намечается планировать только «тонны отправляемого груза».

Это поможет сэкономить ежегодно миллионы тонн горючего — повернуть целую реку бензина в нужное русло.

«Вот тут говорят, что я неделю проработал на производстве и уже попал в вытрезвитель. Отвечу: там, между прочим, не спрашивают, сколько проработал, а забирают — и все».

(Из объяснения в товарищеском суде.)
Прислал В. Горелик, г. Кизел.

«Отзывчивые на любые просьбы, трудолюбивые, они снискали уважение среди животных и других работников нашего отделения».

Газета «Восход», Горьковская область.

«В случае отказа больного от приема лекарств или употребления спиртных напитков, немедленно поставить врача в известность».

(Из санбюллетеня.)
Прислал Т. Юрьев, г. Серпухов.

«Подвижные игры с детьми третьего года жизни, методы и приемы, необходимые при поступлении ребенка впервые в детский сад».

(Из плана работы детсада.)
Прислал В. Сергиенко, г. Тирасполь.

Владимир СВИРИДОВ

БОЛОТО

Рассказ

Кашин и Потапов дружили. Кашин подчинялся Потапову по службе, молчаливо признавая его превосходство. Он оттенял гений Потапова скромной внимательностью, исполнительностью и учтивостью. Он сопровождал Потапова в неофициальных встречах, на пикниках, прогулках, на охоте и в финской бане. Кашин созванивался, организовывал, пил потаповскую водку и был прекрасным собеседником: умел слушать, не перебивая. Человек, привыкший к поверхностным суждениям, немедленно бы вывел, что Кашин — типичный мелкий прихлебатель и подхалим, но это было бы неверно.

Потапов, со своей стороны, выдвигал Кашина, одалживал ему деньги, привозил из-за границы подарки и, во что трудно поверить, даже написал за Кашина диссертацию и помог ее защитить. Казалось бы, это уж и совсем непонятно, зачем... Но внимательный наблюдатель понял бы: они нуждались друг в друге. Это был симбиоз.

Судьба со свойственной ей иронией распорядилась и в личной жизни их весьма странно: меланхоличный нечестолюбивый Кашин был женат на красивой, похожей на львицу женщине. Она служила на дипломатической работе, в свободное время переводила с трех языков, прекрасно танцевала и низким голосом пела под гитару старинные русские романсы, от которых хотелось немедленно куда-то поехать в санях и застрелиться. Звали ее Наташа. Мужчины ей были скучны, и к Кашину она относилась ласково за полное отсутствие с его стороны претензий на лидерство. У них была дочь — почти копия матери — высокая, с огненными глазами и железным характером. На отца она смотрела с отчужденным любопытством инопланетянина, а с матерью давно и всерьез враждовала.

Потапова, с его склонностью к сибаритству и позерству, судьба определила стать зятем отставного генерала. Вопреки многим приятным надеждам, от него Потапову не перепало ничего, кроме вечерних рассказов о лихих рейдах в тыл врага и пионерской военной игре «Зарница».

За всю долгую жизнь генерал получил уйму шрамов и именное оружие и от всех привилегий отмахивался с завидным мужеством и упорством. Дочь его Татьяна — тихая веснушчатая девочка, с детства привыкшая к переездам и замкнутой жизни военных городков, выросла молчаливой и сосредоточенной. Кокетство было свойственно ей не больше, чем простому солдату, и дух суворовского аскетизма, как проклятье, витал над Потаповым.

После смерти генерала он получил саблю и рукопись неоконченных воспоминаний. Все потаповские сбережения, на которые он мечтал купить машину, ушли на помпезные похороны. Детей у Потаповых не было. Дома у них царил нежилой, казарменный порядок. Вещи стояли строго по ранжиру, и на всем лежала пугающая чистота. Даже домашние тапки стояли в прихожей по стойке «смирно» — пятки вместе, носки врозь, словно застыв в почетном карауле.

Много лет Потапов ломал голову, отчего, несмотря на все его ухищрения, квартира не приобретает ни малейшего запаха человеческого жилья, но потом махнул рукой и стал реже бывать дома.

За окнами прощальными красками сияло бабье лето. Все признаки осени украшали леса и городские парки... Чувствовалось, что остались немногие погожие дни. Хотелось что-то успеть, что-то почувствовать, запомнить, прежде чем холодным своим покровом опустятся белые снега.

В эти дни и решил Потапов поехать на охоту и пригласил Кашина. Специально для таких случаев когда-то он подарил Кашину свою старую одностволку, а сам приобрел хорошее немецкое, довоенной работы ружье. Охота представлялась как достойный повод побродить по траве, посидеть у костра, выпить на природе водки... Прогулка в лесу без ружья казалась отчего-то мальчишеством, чем-то непозволительно легкомысленным и несолидным. Хорошим тоном считалось кого-нибудь убить и притащить домой за холодные лапы.

Потапов стрелял в зайцев разрывной медвежьей пулей. Кашин тоже стрелял в каких-то птиц, покидающих в пасмурном небе Россию, и в силу большого расстояния выстрелы его носили символический характер.

Ездили они обычно на машине жены Кашина. Прав у Кашина не было, и поэтому за руль садился Потапов, у которого права были, но не было машины. Машину Наташа привезла себе из-за границы. Это была перламутровая красивая сигара, которая выглядела среди левитановских пейзажей весьма экзотически. Внутри машины шел двадцать первый век. Это было иное, суверенное государство, и жилось в нем совсем как в мечтах Потапова. Сквозь затемненные гнутые стекла все окружающее казалось скучным документальным фильмом. Наташа, навидавшись всяких видов, относилась к машине равнодушно и называла «тачкой». Кашин смотрел на машину, как и на Наташу, с сознанием, что всего этого он недостоин. Потапов чувствовал, что эта машина принадлежит другому человеку по чистому недоразумению. Он знал, что она создана для него. Откинувшись в кресле и негромко перебрасываясь по-английски с бортовым компьютером, отвечавшим ему приятным баритоном, он вел ее по загородному шоссе.

Потапов знал назначение множества клавишей и кнопок, хотя даже Наташа точно не могла ответить, зачем они нужны.

Оставив машину у сторожки знакомого лесника, друзья взяли ружья и, шурша прошлогодней листвой, направились в лес. Не успели они отойти и на сто шагов, как послышался сигнал. Потапов бегом вернулся к машине. Подошедший Кашин услышал их диалог.

— Хэлло, босс,— сказала машина.

— Хелло, бэби,— сказал Потапов.— В чем дело?

— Включить ли мне противоугонное устройство, или бой отгонит машину к месту стоянки? Если ты задержишься, через какое время вызвать полицию? — с легким оксфордским акцентом спросила машина.

— Мы вернемся часа через два. Ни о чем не беспокойся. Здесь рядом живет наш друг,— сказал Потапов на прекрасном английском языке.— Бай-бай.

— Ол райт,— сказала машина, и стекло кабины плавно поднялось.

Они углубились в лес. Тонкие солнечные лучи пронизывали редко стоящие деревья... золото опавших листьев, нежные тени стволов, голубые кусочки неба, таящиеся среди сияющих крон... Где-то далеко кричала какая-то птица: фю-ить, фю-ить...ить, ить, фью, фью!

— В такой день хорошо умереть...— тихо сказал Кашин.— Вместе с умирающей природой... Не зря Пушкин так любил осень.

— Ты что! — остановился Потапов.— Что это ты о смерти вдруг заговорил? Что-нибудь случилось?

— Да нет...— Кашин замялся.— Просто так. Отчего-то подумал, что большая часть жизни уже позади... Тоже своего рода осень, время итогов. Осталось так, пустяки...

Он обошел Потапова, остановился, повернулся к нему:

— А ты разве этого не чувствуешь?

— Ну, знаешь ли...— Потапов развел руками.— Никогда не думал, что в тебе столько лирики... Что это с тобой вдруг?

Он подошел к Кашину, взял у него ружье, закинул за спину и молча пошел вперед.

— Может, дома что-нибудь? — на ходу спросил он.

— Да нет...— сказал Кашин.— Это я так просто. Все в порядке. Жена едет в это... как его... Зимбабве. У дочери тоже все нормально... Только не знаю, отчего это все так... Знаешь, Михалыч... Словно прожил не свою жизнь. И родная контора... Тоже... Ты прости меня, конечно... Все эти дренажные сооружения, мелиоративные комплексы — такая меня от всего этого берет тоска! Так все это...

Потапов остановился и внимательно посмотрел ему в глаза.

Кашин осекся и виновато посмотрел на Потапова.

— А ты думал, я родился на свет, чтобы сидеть в нашей шараге? — спросил Потапов.— Нет, мой милый. Я был рожден для солнца, для синего моря, для красивых баб... Для такой машины, которую притащила себе твоя жена оттуда, где капитал угнетает человека. А моя жена по четвергам готовит мне рыбу, потому что прочитала в столовой, что четверг — рыбный день. Она всему, что слышит, верит безоговорочно. И она счастлива. А я — нет. Ну и что? Пустить себе в лоб пулю? На это способны только великие люди. А мы с тобой служащие. И нечего тут изображать герцога Нортумберлендского. Живешь с красивой бабой, одет, обут, имеешь роскошную машину, кандидат наук. Что тебе еще? Я бы с тобой поменялся.

Кашин жалко улыбнулся и кивнул. Он взял ружье у Потапова, и они молча пошли дальше.

Закуковала кукушка.

«Кукушка, кукушка, сколько мне еще жить?» — мысленно спросил Кашин.

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку...— долго куковала кукушка. По ее счету выходило, что жить Кашину почти до века — вот так, год за годом — ку-ку, ку-ку...

Из сторожки вышел дед Кузьма, лесник. Подошел к машине, хотел прикоснуться, но машина замигала фарами, загудела, откатилась на два метра...

— С нами крестная сила! — прошептал побелевший лесник и, со страхом озираясь на диковину, сел на велосипед и укатил.

Тем временем друзья вышли к болоту. Хлопая крыльями, почти из-под ног поднялся красавец селезень с шеей изумрудного павлиньего цвета и, сверкнув в луче, поднялся на высоту...

— Жаль, собаки нет! — подосадовал Потапов.— Пошли...

Он взял ружье в руку и направился к зарослям осоки на краю ярко-зеленого лужка.

— Там топко... Слышь, Михалыч! — предупредил Кашин.

Потапов ничего не ответил. Кашин качнул головой и последовал за приятелем.

— У тебя хоть чем заряжено ружье? — спросил он.

— В левом жакан. В правом дробь,— сказал Потапов.— А что?

— Да так...

Из-за покрытой осокой кочки вылетели дикие утки. Потапов выстрелил. Через мгновение выстрелил и Кашин. В облачке медленно кружащихся перьев камнем упала тушка убитой птицы.

Потапов горящими от возбуждения глазами посмотрел на Кашина.

— Твоя...— с улыбкой кивнул Кашин, хотя оба приятеля знали, что это ложь. Так уж повелось — он всегда уступал Потапову. Потапов отвернулся и, ловко ступая с кочки на кочку, направился к тому месту, где упала добыча.

Кашин переломил ружье, вытащил гильзу и вогнал в ствол патрон. Почти тотчас же он увидел четырепять птиц, летящих прямо на него... «Только бы Михалыч не спугнул!» — взмолился он про себя. Осторожно поднял ружье, провел стволом, словно сопровождая, и, дав опережение, нажал на спусковой крючок... И почти одновременно с выстрелом к его ногам тяжело упал красавец селезень. В смертной истоме медленно вытянул он крыло... На янтарном клюве появилась брусничная капелька крови... Это было и страшно и красиво — мгновенная смерть на ярко-зеленой болотной траве, блеск красок осени, и резкий рисунок мертвой птицы... Гром выстрела, эхо в лесу, запах пороха... Мгновенная оторопь природы, которая с исступлением созидателя вновь тотчас же принялась плести паутину жизни: пробежал какой-то нелепый водяной жук на длинных лапках, пролетела стрекоза, закричала давешняя птаха: «фю-ить, фю-ить». Подул ветер. «И все...— подумал Кашин.— Что изменилось в мире?»

И в душе его родился протест, ибо ему казалось оскорбительным невнимание природы к факту смерти. Значит, когда-нибудь и он сам так же погибнет, сойдет со сцены и ничто не изменится — люди будут говорить банальности, ссориться, смеяться, убивать... А его не будет... Это показалось ему настолько несправедливым, что он даже покачал головой. Вздохнув, он поднял тушку, продел шею птицы в ременную петельку ягдташа и хотел перезарядить ружье, как услышал голос Потапова.

— Коля! Коля! — звал тот, и Кашину показалось, что голос его звучит несколько неестественно.

Он направился на зов. Голос доносился из-за островка, поросшего осокой и камышом.

— Иду, Михалыч! — крикнул Кашин.— Ну что, нашел? А я такого красавца промыслил... Гляди!

— Коля! Осторожно! Здесь топь... Я провалился,— крикнул Потапов.

Подойдя к островку, Кашин увидел, что за ним было окно — так называют болотные омуты, прикрытые сверху ярко-зеленой травой. Когда человек ступает на такое окно, он успевает сделать шаг, другой, прежде чем топкий слой торфяной почвы, переплетенный корнями трав, прорвется, и он падает в трясину.

Потапов попал именно в такое гнилое место. Пестрая серая уточка лежала на виду у куста болотной осоки, и он неосмотрительно шагнул к ней. Он погрузился почти весь, над топью торчали лишь плечи и руки, сжимавшие ружье. В глазах, странно расширившихся на побелевшем лице, сквозил животный ужас.

— Шест...— сдавленным голосом крикнул Потапов, словно боялся разбудить топь.

Кашин кивнул и кинулся к росшей неподалеку чахлой березке. Одним движением он вырвал ее из рыхлой почвы и, вернувшись, протянул комель Потапову. Потапов ухватился за корни, посмотрел на Кашина.

— Дай ружье! — сообразил Кашин.

Взяв у приятеля ружье, он положил его на осоку, снял ягдташ и бросил на землю, невольно отметив сходство натюрморта с какой-то древней голландской картиной — зеленая трава, сумка, селезень, оружие...

Крепко упершись ногами в казавшуюся твердой почву островка, он начал тянуть Потапова. Медленно-медленно топь отпускала свою жертву... Вот он показался почти по пояс...

И когда, казалось, все уже было в порядке и Потапов облегченно вздохнул, весь спасительный островок с Кашиным, натюрмортом, Потаповым, злосчастной березкой — все быстро, неправдоподобно быстро стало погружаться в вонючую воду.

Кашин сразу окунулся с головой, но в последний момент инстинктивно схватился за что-то и высунул голову. Этим чем-то оказался его товарищ и начальник Потапов. Тот, в свою очередь, держался за березку, завязшую в камышах.

— Дурак,— процедил Потапов негромко.— Ружье утопил, козел. «Зауер», трофейное ружье — ему цены нет...

— Погибаем, а ты про ружье...— сказал Кашин.— Ведь погибаем, Михалыч!

— А, пошел ты...— сказал Потапов.— С такой размазней только и дохнуть в болоте. Одно слово — Кашин. И фамилия у тебя такая и сам такой.

— Что ты на меня?.. Я ведь из-за тебя...

— Убери руки, паскуда! — оскалился Потапов.— Не тяни меня за собой...

Кашин молча рванулся к ближайшей кочке, схватился за нее. Мягкая медленная волна всколыхнула ряску, мертвый селезень закрутился вокруг уточки...

— Ненавижу тебя, хлюндя,— тихо бросил Потапов.— Возился с тобой, диссертацию тебе писал, тащил на себе... В любом деле ты своей бестолковщиной можешь навести уныние... И гибну-то глупо, по-дурацки, из-за тебя... Даже вытащить не смог! Болван! Ублюдок!

— Врешь, Потапов,— сказал Кашин.— Отчего не сказать правду? Хотя бы теперь... Побежал ты за уткой, которую я подстрелил. Сам знаешь. Нужен я тебе был, поэтому и тащил меня. Тебе умный зам со своими принципами был не нужен. Я тебя устраивал... Ты ко мне мог прийти с бабой, не боялся, что подсижу... Рядом со мной ты, гнида, выглядел более выигрышно — на контрасте, ты не думал, почему я все терпел?

— Ну и почему? — повернулся Потапов.

Он так заинтересовался оборотом разговора, что даже выпустил из рук березку и тотчас же погрузился в болотную жижу. Кашин терпеливо подождал, когда он, отплевываясь, вынырнет и схватится за корни дерева.

— А потому, что я люблю Таню,— сказал Кашин.

— Таню?! — поразился Потапов.— Мою Татьяну?!

— Да,— сказал Кашин.— И она меня любит. Давно.

— Вот так номер! — сказал Потапов.— Стоит утонуть, чтобы узнать такую новость! А как же Наташа?

— При чем здесь Наташа? Главное, я тебе сказал. Конечно, надо было с самого начала тебе все сказать, но не хватало характера. Да и жалко было...

— Кого?! — изумился Потапов.

— Тебя, хотя ты скотина порядочная...

Оба замолчали. Солнце заходило, и теперь его косые лучи едва касались лиц приятелей.

— Может, покричать? — предложил Потапов.— Давай вместе: три-четыре! Спасите!

— Помогите! — крикнул Кашин.

— Давай кричать что-нибудь одно! — зло сказал Потапов.— Или «спасите», или «помогите».

— Ладно, давай «спасите»,— согласился Кашин.

— Вытащат — я тебе всю рожу разобью! Застрелю гада! — пообещал Потапов.— У тебя с Танькой что-нибудь было?

— Десять лет,— сказал Кашин.— Рога у тебя — как у лося.

— Спасите! — крикнул Потапов.

Кашин поддержал:

— Спасите!

И вновь на болоте воцарилась тишина, лишь мертвый селезень плавал среди ряски, и в тусклом сером его глазу отражалось маленькое солнце.

— А такой тихоня...— плюнул Потапов.— Лез без мыла, ходил овечкой...

— А что было делать? — сказал Кашин.— Потерпел бы ты рядом с собой другого человека? Ты только холуев и любил...

— Рано ты обо мне в прошедшем времени говоришь,— сказал Потапов.

— Нет, тебя твой оптимизм и в болоте не покидает. Умрешь оптимистом,— хмыкнул Кашин.— А это тоже прекрасно...

Кузьма пил в сторожке чай, дул на блюдце и смотрел в окно на красную полоску заката. На стене звонко тикали ходики с хитрой лисой на циферблате: как ходил маятник, так из стороны в сторону ходили хитрые лисьи глаза.

Неожиданно за окном что-то произошло: стоявшая на опушке леса машина ожила: загорелись и погасли фары, послышался призывный гудок.

— Господи...— прошептал лесник.— Как бы не случилось чего...

Он вышел на крыльцо, помедлил немного, потом свистнул собаку. Собака медленно подходила к машине, рыча и скаля зубы. Шерсть на загривке поднялась дыбом.

Стекло кабины со стороны водителя плавно опустилось, и приятный баритон произнес:

— Товарищ Кузьма, лесник?

— Да...— снял шапку Кузьма.

— С вами говорит бортовой компьютер автомашины товарища Наташи Кашиной. Пять часов назад товарищ Кашин и товарищ Михалыч ушли и оставили программу на возвращение через два часа. Бортовой компьютер предупреждает о возможном эксиденте. Выясните причину задержки и сообщите полиции. Не исключено, что в этой истории замешаны «красные бригады». Бортовой компьютер имеет запись последних бесед товарища Кашина с товарищем Михалычем. На мой запрос по радиотелефону городской полицейский координационный центр не отвечает.

— Вас понял, товарищ бортовой... товарищ гражданин! — вытянулся во фрунт Кузьма.— Разрешите идтить на болото с това... с соба...

— Идите.

— Минька! — Лесник поманил собаку и быстро зашагал к болоту.

Поздно ночью усталые и грязные друзья ехали домой.

— Жаль ружье...— вздохнул Потапов.

— Пустяки, Михалыч! — улыбнулся Кашин.— Главное, живы...

— Ну как, поедем завтра в сауну? — спросил Потапов.

— Поехали. После такого купания — самое оно...

— Сволочь ты все-таки! — покачал головой Потапов.— Никаких у тебя принципов моральных — ни хрена...

— Брось, Михалыч! — лениво сказал Кашин.— Тебе кто нужен — зам или монумент?

Потапов улыбнулся.

— Все знаешь, шельма.

— Ну вот видишь! — Кашин обнял друга.

Приятели многозначительно переглянулись и дружно рассмеялись.

ПАМЯТИ ПОЭТА

Скончался Степан Иванович Олейник, видный советский украинский поэт, талант которого особенно ярко проявился в жанре сатиры и юмора. Большой популярностью среди читателей пользуются его острые, едкие стихотворения, высмеивающие всех тех, кто мешает нашему народу двигаться вперед,— хапуг, бюрократов, приспособленцев, лодырей...

Родился Олейник в 1908 году. Закончил семилетку, затем — кооперативный техникум и литературный факультет Одесского пединститута. Работал в украинских партийных газетах. В годы войны Степан Иванович — сотрудник «Сталинградской правды». Широкую известность принесли ему стихотворения «Дед Ефим», «Баллада о баянисте», «Сталинград», поэма «Иван Семенюк», воспевавшие мужество и отвагу советского воина. После Победы Степан Олейник издает целый ряд поэтических книжек, плодотворно работает в сатирическом журнале «Перец», членом редколлегии которого он становится впоследствии. Затейливая комическая импровизация, оригинальная сюжетика, афористичность языка — все это в произведениях Олейника сочетается с яркой публицистичностью. Его мастерские поэтические фельетоны и памфлеты не раз украшали страницы «Правды» и «Крокодила». Боевые и трудовые заслуги поэта по достоинству оценены Родиной — он был удостоен двух орденов Ленина, звания лауреата Государственной премии СССР.

Память о Степане Ивановиче Олейнике — сатирике, поэте, человеке — навсегда останется в наших сердцах.

КРОКОДИЛЬЦЫ.

КРОКОДИЛИНКИ ФЕВРАЛЬСКИЕ

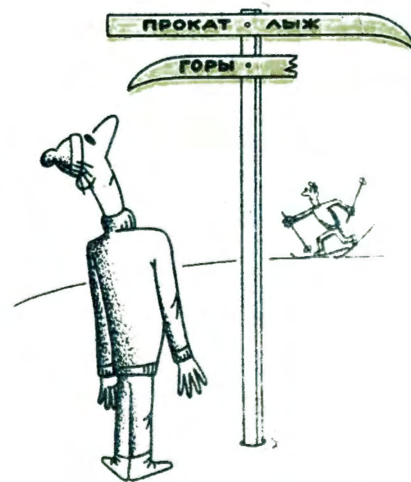
— Ваня, ты уверен, что мы правильно идем?

Рисунок А. ПОМАЗКОВА.

ПРИБЫЛ НА ОТКРЫТИЕ...

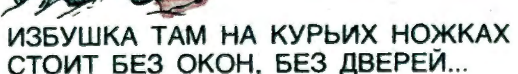
Рисунок Ю. УЗБЯКОВА.

Рисунки В. ВЛАДОВА.

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

ИЗБУШКА ТАМ НА КУРЬИХ НОЖКАХ СТОИТ БЕЗ ОКОН, БЕЗ ДВЕРЕЙ...

— Не получится из него рыбак: уж очень он неусидчив.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Вилли БРАЙНХОЛЬСТ (Дания)

Имеет ли ваш автомобиль представление, куда вас везти?

Если вы с женой отправляетесь вечером на концерт камерной музыки или в оперу, случается у вас, что мотор не заводится? У меня это происходит почти каждый раз. Но странно, если я еду на футбол, в кегельбан или еще куда-нибудь в таком же роде, мой милый автомобиль сразу трогается с места и весело урчит...

Я сидел, согнувшись над пишущей машинкой, поглощенный работой, когда Марианна заглянула в комнату.

— Остановись, пожалуйста, и не делай вид, что ты по уши в работе и не знаешь, который час.

Я слегка повернул голову и поомотрел на Марианну отсутствующим взглядом.

— Что ты сказала, дорогая?

— Да... именно! Уже десять минут восьмого. Ты уже должен быть готов.

— Готов? Не понимаю...

— Не прикидывайся. Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Вечер камерной музыки!

Я посмотрел на часы.

— Во всяком случае, все равно уже поздно. Пока я оденусь и...

Марианна пробуравила меня взглядом, который не предвещал ничего хорошего. Я вскочил со стула.

— Хорошо, дорогая... мы попробуем успеть. Ты приготовила мне рубашку?

— Все приготовлено в ванной.

Я вышел в коридор и принялся раздеваться. Вечер был угроблен. Кроме туфель, которые жмут, я не знаю ничего хуже камерной музыки. Когда Марианна через десять минут заглянула в спальню, чтобы убедиться, что я почти готов, я лежал в постели, накрыв голову подушкой.

— Послушай... что ты теперь изображаешь?

Я судорожно сбросил подушку.

— Что случилось? Пожар?

— Скажи мне, ты совсем спятил?

Я выскочил из постели.

— Вечер камерной музыки! — завопил я.— Теперь я вспомнил! Наверное, я слишком устал, впал в стрессовое состояние, уморился и иссяк, поэтому я и влез в пижаму... вместо того, чтобы влезть в рубашку! И потом я подумал, что уже пора спать... Но как бы там ни было... мы уже точно не успеем!

Против воли я облачился в белую рубашку с манжетами. Внезапно я прижал руку к животу и пронзительно крикнул.

— Слепой отросток! — захныкал я.— Мой аппендикс!

— Заткнись! Твой отросток был вырезан за много лет до нашей встречи. Чтоб через пять минут ты был в машине! Или с твоими кеглями и мистическими шахматными вечерами будет покончено раз и навсегда!

С этим шутить не приходилось. Через пять минут я объявил, что готов. Надев пальто, я пошел открывать дверь.

— Он не поворачивается,— сказал я и покрутил ключом в замке,— ключ сломался! А у нас только один! Пропала камерная музыка!

— Пошел вон!

Марианна грубо отшвырнула меня от двери, повернула в замке ключ и открыла дверь. Ее взгляд становился все более пронзительным. Я трусил за ней по лестнице до самого гаража.

— Билеты у тебя?

— Гм,— промычал я и посмотрел в другую сторону.

— Покажи! Если ты думаешь, что тебе удастся уехать, оставив билеты дома, то ты глубоко ошибаешься. А ну давай!

Я выудил из кармана бумажник и помахал билетами перед носом Марианны. Она удовлетворилась. Я сел за руль и включил зажигание... Др-дрр... дрр.

— Он не заводится!

— Вытащи подсос. Ну, считаю до трех!

Когда Марианна сказала «три», мотор завелся.

— Выезжай.

Я сидел, словно окаменев, тупо смотрел в одну точку.

— Не могу,— почти заплакал я,— у меня нервы! Колени не двигаются... Посмотри сама. Это потому, что ты всегда меня понукаешь, когда... Черт с ней, камерной музыкой, посидим дома, выпьем...

— Раз... два...

Я выжал сцепление и дал газ. Марианна не успела сосчитать до трех, как я вывел машину на улицу, и мы поехали.

— Ты же не туда едешь, балда! Нам же надо в город! Ты прекрасно знаешь, где находится концертный зал.

Через десять минут мы были на месте.

— Концерт закончился? — с надеждой спросил я у контролера на входе.

— Нет, просто сейчас перерыв. Разрешите ваши билеты.

Я вытащил бумажник.

— Наверное, я их потерял,— пробормотал я.

— Чепуха,— отрезала Марианна,— я сама видела, что они у тебя. А ну, давай сюда!

Она втолкнула меня в фойе и принялась обыскивать вместе с контролером.

— Вы можете раздеть меня совсем,— покорно сказал я,— как хотите. Билетов у меня нет.

Улучив момент в машине, я попросту съел их. В моем нагрудном кармане Марианна обнаружила только два жеваных билета в цирк.

— Они не годятся,— поспешно сказал я, но контролер вырвал их у меня, прежде чем я успел порвать их.

— Наплевать, проходите,— сказал он.— Зал все равно полупустой.

Завтра я напишу на него письменную жалобу. Он не имеет права пускать на концерт камерной музыки по билетам в цирк. Черт знает что!

Перевела Марина ТЮРИНА.

●

Хирург спрашивает у начинающего врача:

— Ну, как у вас прошло вскрытие, Хансен?

— Вскрытие? Почему вскрытие? Это я делал операцию...

●

— Женщины очень непоследовательно себя ведут во время дорожно-транспортных происшествий. Например, вчера одна дама сбила молодого человека, причем он отлетел, бедняга, метров на десять. И что, вы думаете, сказала водительница, когда подъехал полицейский? Она обвинила этого парня в том, что он пытался самовольно покинуть место происшествия.

— Только что меня ограбил другой гангстер. Может быть, вы догоните его?

«Вельтвохе». Швейцария.

Слова, слова...

Иногда и при своем большом уме удобнее жить чужим.

Карфагенская мудрость.

Трудно взять свои слова обратно, если они крылатые.

Из ненайденных записных книжек Аристофана.

Думающий человек обычно сохраняет за собой право передумать.

Приписывается Талейрану.

Важно оставить свой след не столько в истории, сколько в учебниках по этому предмету.

Любимая шутка Геродота.

Во время медицинского осмотра новобранец просит доктора:

— Мсье, не могли бы вы отметить в моих бумагах, что я негоден для ближнего боя?

— Почему?

— Потому что я дальнозоркий.

●

«Рогач». Чехословакия.

— Ну, что я особенного сказал?

«Се». Швеция.

«Стършел». Болгария.

КРОКОДИЛ
№ 5 (2375)
февраль

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

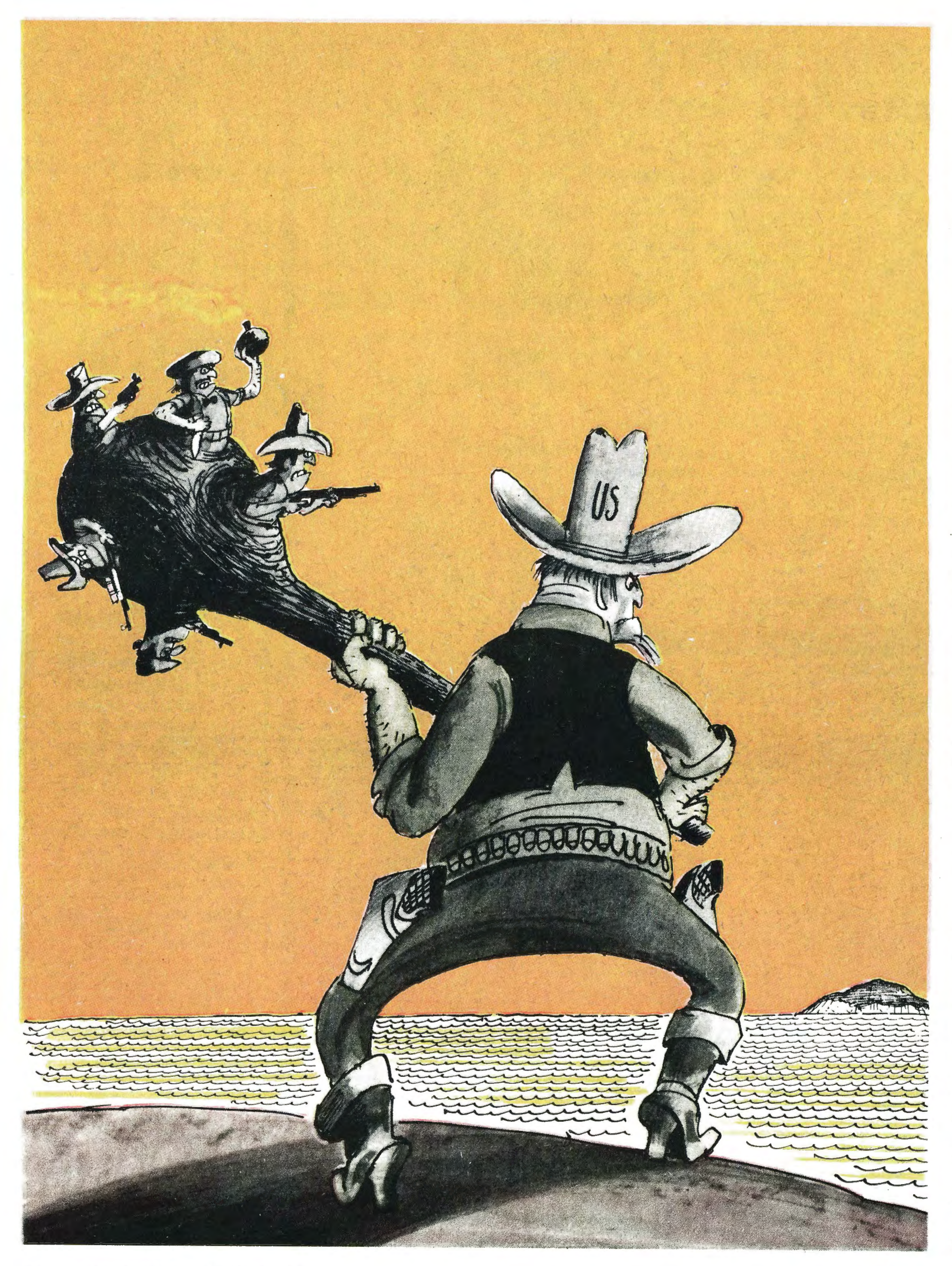
Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Р. Друкман, В. Мохов, А. Помазков, С. Сергеев, В. Тильман, Ю. Узбяков, Ю. Черепанов, А. Ячменев.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 12.01.82.
Подписано к печати 20.01.82.
А 05015.
Формат бумаги $70 \times 108^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр.-отт. 11,20.
Тираж 5 500 000 экз.
(1-й завод: 1—3 348 363 экз.).
Изд. № 336. Зак. № 1926.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 70448. Цена номера 30 коп.

АМЕРИКАНСКАЯ ДУБИНКА.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Перед нами новый рисунок на очень старую тему. Этой теме уже семьдесят восемь недобрых лет. В 1904 году тогдашний президент США Теодор Рузвельт провозгласил политику «большой дубинки», то бишь установил курс на открытое вмешательство США в дела Латинской Америки.

С той поры дубинка ничуть не постройнела, не уподобилась изящному джентльменскому стеку. Напротив, она превратилась в увесистую палицу. Вашингтон со свистом вращает сей снаряд, стремясь запугать Кубу, Никарагуа, Гренаду, сальвадорских патриотов.

И без того страхолюдная дубина утыкана безобразными шипами и отростками — это сателлиты Вашингтона, хунты Чили, Парагвая, Гаити, Сальвадора и Гондураса.

Но силовой аттракцион Вашингтона не возымеет запланированного эффекта: Латинскую Америку трудно запугать, она уже нынче не та, что была во времена блаженной памяти Тэдди Рузвельта.

Уразуметь это обстоятельство не под силу разве лишь тем, у кого мозговых извилин меньше, чем годичных колец в дубине...